

Ноября 10 (23)

Священномученик
Августин (Беляев),
архиепископ Калужский
преподобномученики

Иоанникий (Дмитриев), Нифонт (Выблов)
священномученики

Иоанн (Сперанский) и Борис (Семенов)
мученики

**Александр (Медем), Алексей (Горбачев),
Николай (Смирнов), Аполлон (Бабичев),
Михаил (Арефьев)**

мученицы

**Феоктиста (Ченцова), Анна (Остроглазова),
Ольга (Масленникова)**

Священномученик Августин (в миру Александр Александрович Беляев) родился 28 февраля 1886 года в селе Каменка Юрьевецкого уезда Костромской губернии в семье протоиерея Александра и его супруги Евдокии. У них было пятеро детей, и Александр был самым младшим. С детства в нем обнаружился глубокий, благочестивый настрой и проявилась искренняя любовь к храму. Владыка впоследствии рассказывал, что когда ему было шесть лет, родители не взяли его на Пасхальную службу, и он убежал из дома и спрятался на хорах в храме, и там за поздним часом уснул. После службы родители пришли домой и тут обнаружили, что сына нет дома. Когда Александр был еще подростком, в дом к родителям ходил странник, которого многие почитали за благочестивую и праведную жизнь и который не раз, обращаясь к мальчику, называл его архиереем.

По окончании Кинешемского духовного училища Александр поступил учиться в Костромскую Духовную семинарию, а затем – в Казанскую Духовную академию, по окончании которой в 1911 году он был направлен преподавать русский язык и литературу в Пензенское епархиальное женское училище. Впоследствии он стал также преподавать и в мужском учебном заведении Пензы. В дневнике он в то время писал о себе: «Я не интересуюсь карьерой и положением в обществе и часто бываю, вопреки пословице, один в поле воин... Патриархальный уклад семейной жизни отца внедрил глубоко в моем сознании нравственную ответственность за каждый шаг. Вот почему я, учитывая себя, делаю учет и другим. И от степени требовательности к себе, зависит требовательность моя и к другим...»

Александр Александрович Беляев. 1913 год

В 1913 году он принял решение жениться на горячо полюбившейся ему девушке Юлии, ученице старшего класса епархиального училища. Она была дочерью священника Александра Евлампиевича Любимова. Во время гонений на Церковь в начале двадцатых годов он был арестован и умер в ссылке.

Перед венчанием Александр приехал домой к родителям, и его встретил тот же самый благочестивый странник и, приветствуя его, сказал:

– Ну, здравствуй, Саша-архиерей.

– Ну какой же я архиерей, у меня невеста, – ответил тот.

– А все-таки архиерей! – не согласился с ним странник.

В 1914 году у Александра Александровича и его жены Юлии родилась дочь Юлия, а в 1919 году – вторая дочь, Нина.

Начались гонения на Русскую Православную Церковь. Александр Александрович стал старостой в храме, явившись неустрашимым защитником православия против раскольников, организовавших в Пензе так называемую «народную церковь», которую возглавил лишенный архиерейского сана Владимир Путята. За свою активную церковную деятельность Александр Александрович в 1920 году был арестован Чрезвычайной Комиссией города Пензы и провел в тюремном заключении полтора месяца.

22 июня 1920 года скончалась от скоротечной чахотки его жена Юлия, и он остался один с двумя сиротами – шести лет и младенцем девяти месяцев от роду, которых ему помогала воспитывать няня Анисия Ефимовна – неграмотная, но глубоко верующая женщина. Анисия Ефимовна происходила из семьи пензенских крестьян. Мать ее работала сиделкой в больнице. После перенесенной в детстве

болезни девочка стала рябой, и отец не любил ее за это. Отец пил, и когда напивался, бил девочку за то, что она рябая, и мать прятала ее на чердаке. Однажды случился пожар, отец побежал тушить, напоролся ногой на ржавый гвоздь, у него сделалось заражение крови, от которого он и скончался. Мать, оставшись одна, отдала Анисию в прислуги в семью врачей. Затем она попала к Александру и Юлии, когда те только что поженились, и воспитывала всю жизнь их детей.

Священник Александр Евлампиевич Любимов, его супруга Варвара Ивановна (сидит рядом с ним), дочь Юлия (вторая справа)

28 августа 1920 года Александр Александрович был рукоположен в сан священника. В 1922 году Пензенская ЧК снова арестовала его и продержала в заключении около трех месяцев. Выйдя из тюрьмы, он с детьми переехал на родину в город Кинешму, где стал служить в одном из городских храмов. Его самоотверженное, подвижническое пастырское служение вскоре сделали его известным не только среди православных города Кинешмы, но и во всей Иваново-Вознесенской епархии. Верующие полюбили пастыря, который откликался на всякую просьбу о помощи. Было видно, что, несмотря на свое затруднительное семейное положение, он всего себя отдал на служение Богу и Его святой Церкви.

Вскоре отец Александр был возведен в сан протоиерея.

В 1922 году возникло обновленческое движение, которое в 1923 году достигло большого размаха; благодаря энергичной поддержке безбожной власти, большинство храмов в Иваново-Вознесенске были захвачены обновленцами. Епископ Иваново-Вознесенский Иерофей (Померанцев) отпал в обновленчество, а викарный епископ Кинешемский Василий (Преображенский)

был арестован властями. 14 сентября 1923 года в Покровском кафедральном соборе в Иваново-Вознесенске состоялось собрание представителей одиннадцати православных религиозных общин города, съехавшихся для обсуждения вопроса о приглашении православного епископа на свободную архиерейскую кафедру. Собрание единогласно постановило: «принять кандидатуру протоиерея Александра Беляева, проживающего в городе Кинешме, временно, впредь до возвращения епископа Василия и просить Патриарха Тихона посвятить протоиерея Александра Беляева на просимую должность». «Согласно означенного постановления, – писалось в ходатайстве собрания Патриарху, – просим Ваше Святейшество благословить наше общенародное избрание протоиерея Александра Беляева во епископа города Иваново-Вознесенска и совершить над сим народным избранником хиротонию во епископа».

Юлия Любимова. 1911 год

17 сентября Патриарх Тихон постановил: «Ввиду явного уклонения в раскол Иваново-Вознесенского епископа Иерофея, считать кафедру города Иваново-Вознесенска свободной; назначить на нее протоиерея Александра Беляева». 21 сентября 1923 года протоиерей Александр по пострижении в монашество с именем Августин был хиротонисан во епископа Иваново-Вознесенского.

Прибыв в Иваново, владыка ревностно принялся за исполнение архиерейских обязанностей. Он часто служил и за каждой литургией после чтения Евангелия произносил вдохновенное слово. Православные в Иваново полюбили архиерея. Перед богослужениями и после них его встречали и провожали толпы

верующих. Его богослужения привлекали к себе сосредоточенностью и духовным миром. После литургии владыка не спеша благословлял всех подходивших к нему.

Епископ Иваново-Вознесенский Августин. 1923 год

Ознакомившись с положением дел в епархии касательно обновленческого раскола, преосвященный Августин отправил доклад Патриарху Тихону, в котором, в частности, писал: «Почитаю долгом уведомить Вас, Ваше Святейшество, что по прибытии на вверенную мне Иваново-Вознесенскую кафедру я нашел в некоторых приходах рознь между духовенством и мирянами, решительно не принимающими обновленческого епископа Иерофея. Последним духовенство запугано. Однако, всё же некоторые причты явились ко мне, испрашивая прощение и благословение: к концу всенощной на Воздвижение Креста Господня прибыли приходские советы 11-ти церквей и все городское духовенство за

исключением духовенства Крестовоздвиженской церкви, состоящего в управлении обновленцев, а также и тех, которые состоят должностными лицами в обновленческом управлении... Духовенством было выражено раскаяние в уклонении от Православной Церкви, и после приличного случая слова с моей стороны, под напев молитв пасхальных произошло в подлинном смысле трогательное примирение духовенства и мирян. После в храмах с этого момента стали возносить Ваше имя. На следующий день, 14 (27) сентября, после литургии я был позван в местное ГПУ. По-видимому, злонамеренные люди сообщили о мне ложные сведения, как якобы об административно-высланном из города Пензы. Я рассказал истинное положение вещей о себе и получил предложение удалиться в Кинешму в 24 часа и жить там под подписку о невыезде до выяснения моей личности в Пензе.

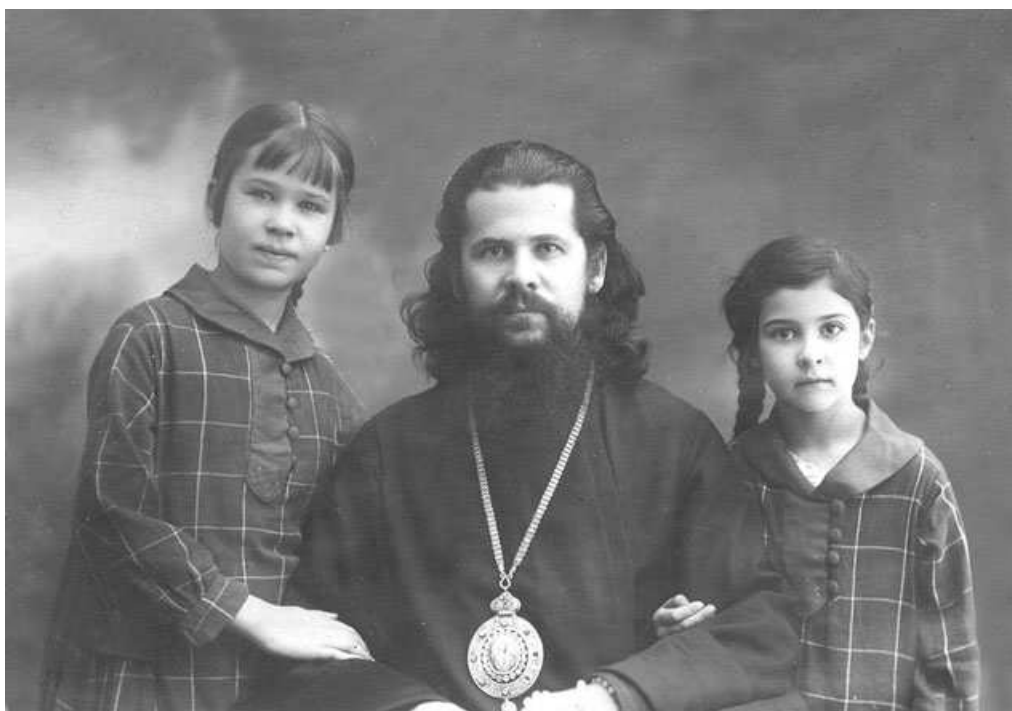
Отслужив после этого вечерню в Александро-Невской церкви при плаче верующих, наполнявших храм, я утром следующего дня выехал в Кинешму, где живу и служу доньне.

Однако настроение церковное не понизилось. О чем свидетельствует тот факт, что 27 сентября (10 октября) ко мне явились представители от Крестовоздвиженской общины города Иванова и вручили протокол общего собрания, заключающий просьбу ко мне принять общину под свое управление ввиду желанья общины порвать общение с обновленцами. Я благословил их решение и принял в общение.

Таким образом, обновленческий епископ Иерофей остался без кафедры в городе...

В городе Кинешме 23 сентября (6 октября) мною принята делегация от города Шуи и пригородных сел, постановивших на благочинническом собрании от 21 сентября (4 октября) "выразить свою преданность Святейшему Патриарху в лице преосвященного Августина".

Сообщение с отдельными селами более затруднительно. Но по имеющимся сведениям, ликвидация обновленческого духа и здесь идет быстро...»

Епископ Августин с дочерьми Юлей (слева) и Ниной. 1926 год

В Иванове в доме вместе с епископом жил его келейник, иподиакон Борис Семенов, и няня Анисия Ефимовна с двумя дочерьми владыки. Знавшие преосвященного Августина в это время так вспоминают об этом периоде его жизни в Иванове.

Любовь, смирение, терпение и милосердие к ближнему – всеми этими качествами обладал владыка Августин. Имея высокий сан, он смирялся перед каждым, даже перед нищим. Имея возможность, даже в те годы, как-то устроить свою жизнь материально, хотя бы с большими удобствами, он не имел ничего, кроме одежды на себе, и ту по усмотрению других. Имея возможность питаться хотя и постной, но изысканной пищей, он выбирал самое скромное и простое, и в малом количестве. Он был монах от первых дней пострига и благодушно нес крест постоянных скитаний по тюрьмам и ссылкам. На соблезнование близких о его скорбной участи он всегда спокойно и благодушно отвечал: «Что же тут удивительного, это наш путь. Господь об этом предупреждал, а иначе никогда не будешь со Христом».

Перед монашеским постригом и рукоположением в сан архиерея близкие уговаривали его подождать до того времени, пока дети не станут материально и морально самостоятельными, но он был на этот счет иного мнения и говорил, что они – сироты и он даже спешит, устраняя всякие колебания из своей души, вручить их именно сейчас попечению Божией Матери, чтобы тем самым сделать их положение наиболее прочным, так как уверен, что при таком высшем покровительстве они никогда и ни в чем не будут нуждаться. Эта его несомненная вера оправдалась впоследствии вполне. Дочери владыки Августина, хотя и редко видели отца, никогда и ни в чем не нуждались – ни материально, ни морально. Его молитвы, напутствия, наставления и письма – были главным воспитывающим руководством. И даже безбожная окружающая среда, с которой они столкнулись впоследствии, не могла подорвать благодатного влияния архиерея-подвижника. Он воспитал в них послушание воле Божией, терпение, незлобие и доброту, и всегда все окружающие чувствовали, что эти дети находятся под молитвенной защитой святого.

Для верующих вдохновенное служение преосвященного Августина всегда было событием незабываемым. Душа молящегося за богослужением вместе с епископом наполнялась чувством благоговения к совершаемому таинству, сознанием серьезности и значительности общей церковной молитвы. Это чувствовали даже люди, не имевшие глубокого церковного воспитания и опыта, – во время его богослужений храм всегда был полон молящихся. Будь то вечерняя служба с акафистом, или праздничная долгая всенощная, или литургия, люди не чувствовали усталости, никому не хотелось во время службы присесть и отдохнуть, казалось, что богослужение заканчивается слишком быстро. После литургии владыка сам давал крест и всех благословлял и при этом запрещал торопить тех людей, которые желали что-нибудь у него спросить. Иногда он выходил из храма через два часа после того, как окончилась служба. Если он шел домой пешком, то его кроме келейника сопровождала целая толпа детей, которые не хотели идти домой, пока не проводят владыку. Дети любили владыку, но всегда в его присутствии вели себя чинно, благочестиво. Летом все дети шли с цветами, которые владыка раздавал им из своего букета. Иногда детей звали к владыке во двор или в дом и наделяли тем, что было принесено епископу посетителями.

Однажды его младшая дочь, которой было тогда пять лет, попросила отца, собиравшегося отдать нищему сверток: «Папочка, ты дай только посмотреть, что там есть». Владыка выслушал ее и сразу же отдал нищему сверток, принесенный кем-то всего полчаса назад, а затем наедине ласково объяснил ей, что не стоит доверяться чувству любопытства, как бы сильно оно ни было в нас.

Преосвященный Августин любил истовое, уставное богослужение, любил благоговейное неспешное пение и чтение, чуждое духа театральности. К сожалению, регенты городских храмов в Иванове, за исключением собора, где служил епископ, любили именно такое вычурное пение, и, несмотря на все разъяснения владыки об убивающей дух церковности театральности, они не хотели переделывать своих вкусов, чем доставляли ему немало огорчений. Но зато если при объезде преосвященным Августином епархии попадался настоятель храма одних вкусов с владыкой и совершалось богослужение в духе строгой церковности, оно становилось для всех большим утешением. Сельские храмы Ивановской епархии, когда в них служил владыка, были всегда полны молящихся. Люди заранее узнавали, в каком сельском приходе будет служить епископ, и приходили в храм, расположенный от их сел и городов нередко на значительном расстоянии. Если было лето, то все приезжие в ожидании богослужения располагались в ограде храма или в ближайшем лесу и затем отстаивали в храме всенощные, продолжавшиеся по четыре – пять часов.

Верующие приносили обычно что-нибудь для детей владыки, но он все это раздавал по дороге, кроме одного-двух яблок или какого-нибудь свертка, предусмотрительно убранного келейником. Иногда какая-нибудь женщина в отсутствии владыки говорила детям:

– Скоро ваш папа приедет и привезет вам много игрушек.

Дети на это всегда отвечали одинаково:

– Нет, папа ничего не привезет, он знает, что у нас все есть, а там, наверное, столько нищих, что на всех у него и не хватит подать.

Как всякое лицо начальствующее, владыка сталкивался и с лицемерием, и с притворством, и с лестью. Он это видел, внутренне скорбел, но старался таким людям еще больше уделить внимания и любви. Дети видели, какой подвиг нес их отец, и еще больше уважали его, и старались и себя приучить к терпеливому перенесению всех тех обстоятельств, которые посылал им Господь.

Живя в одном доме с епископом, дети на все спрашивали его благословение. Однажды к владыке пришла некая женщина и пригласила детей к себе в дом на елку, сказав, что именно для них она решила устроить ее.

Владыка поблагодарил и пообещал прислать детей, но с условием, что они пробудут там не более как до десяти часов вечера. По уходе женщины владыка сказал детям и их няне, чтобы они шли вечером по приглашению. Дети не захотели идти, говоря, что приглашение сделано не искренне, но владыка, строго остановив их, объяснил пагубность осуждения и отсутствия терпения к людям и пояснил, каким образом нужно развивать в себе искренние и добрые чувства к людям и любовью и терпением приобретать их любовь. Затем он помолился вместе с ними и с такой любовью проводил их, что дети совершенно изменили свое отношение и радостные пошли на елку.

На елке хозяйка заставила вести детей шумно, как по ее представлению должны вести себя дети, и отпустила их значительно позже назначенного времени. Придя домой, они бросились просить прощение у отца и попытались пересказать ему обо всем, что было на елке, невольно переживая еще раз то

настроение, в каком они там находились. Владыка предложил детям помолиться, помолился вместе с ними, и это совершенно изменило их настроение, введя его в прежнее благочестивое русло.

Иногда бывало, что перед возвращением епископа из храма заботливые прихожанки приносили к нему домой и ставили на стол много дорогих и вкусных вещей, расставляли вазы с цветами, так что, если бы вошел кто посторонний, он был бы чрезвычайно удивлен изобилием и изысканностью, которые окружали архиерея.

Но не долго торжествовало на столах изобилие. Приходил из храма владыка – усталый, но бодрый, и с ласковой улыбкой приглашал к себе в комнату всех пришедших к нему на прием. Каждый посетитель проходил к владыке со своими нуждами, горестями и печалью, а выходил утешенный, с узелком для детей или для больного, или для старого.

Дети начинали уже волноваться – когда же владыка пойдет обедать и отдыхать, так как приближалось время вечернего богослужения, посылали иподиакона Бориса уговорить владыку прервать прием для обеда, но тот, жалея владыку и сам переживая за него, к нему, однако, не шел, так как ему это было строго-настрого запрещено. Наконец уходил последний посетитель, младшая дочь запирала дверь, и через несколько минут владыка, келейник и дети садились за стол и принимались за скромный постный обед. От всего изобилия оставалось всего лишь несколько конфет или яблок, которые епископ отдавал детям после обеда. Если же что-нибудь все же оставалось, то он запрещал детям есть как уже лишнее и предлагал оставить для угощения – мало ли какой посетитель или странник еще может прийти. Дети слушались и всем были довольны.

Часто к епископу приезжали духовные дети из других городов, их владыка оставлял жить у себя в доме. Он искренне и радушно принимал всех, и верующие чувствовали в нем отца, чья любовь и самоотверженное служение многих вывели на узкий, спасительный путь, уведя с широкого, приукрашенного яркими, но пустыми утехами погибельного пути, пробудив в них жажду чистого жития во Христе.

Юлия и Нина Беляевы с Ларисой Николаевной Гладцыновой

В это время по благословию владыки были организованы религиозные кружки. В одном из таких кружков занимались дочери владыки, Юлия и Нина. Вела его молодая учительница Лариса Николаевна Гладцынова. В кружке занималось восемь девочек, Нина была самой младшей. Занятия проходили почти каждый день. Наибольшее значение придавалось религиозному воспитанию. Нередко Лариса Николаевна спрашивала, сделал ли кто из девочек что-нибудь хорошее сегодня. Она научила их быть внимательными к своей религиозной жизни, наблюдать за собой, вести дневники. Она ставила с детьми спектакли; девочки выпускали журнал, в котором помещались сочиненные ими рассказы. Впоследствии Лариса Николаевна была арестована и выслана из Иванова в Орел.

15 февраля 1924 года власти арестовали епископа Августина, и он был заключен в тюрьму в городе Иванове. Его обвинили в нарушении законодательства об отделении Церкви от государства, «выразившемся в назначении следствия о выяснении возможности вступления в третий брак» некоего гражданина, а также в том, что он, «пользуясь положением духовного лица и используя религиозные предрассудки населения, старается направить последнее к сопротивлению законам советской власти». Законным власти считали обновленчество, и потому объединение вокруг епископа Августина большинства православных, покаяние обновленческих священников и возвращение храмов, занятых обновленцами, в Православную Церковь было в их глазах незаконным.

8 августа 1924 года Коллегия ОГПУ рассмотрела «дело» епископа и постановила его освободить, а само дело прекратить.

В 1925 году почил Патриарх Тихон, и преосвященный Августин был на погребении Святейшего и принимал участие в избрании Местоблюстителем митрополита Петра в соответствии с завещательными распоряжениями Патриарха.

Из Москвы епископ Августин вернулся в Иваново, но местные власти всячески препятствовали служению в городе архипастыря и потребовали, чтобы он покинул город. С середины 1925 года ему пришлось жить в Москве и в Кинешме, приезжая в Иваново лишь для совершения богослужений, когда в связи с большими церковными праздниками православным удавалось добиться разрешения на проезд епископа в город.

Дети в это время оставались жить с няней в Иванове. Приехав в город на рождественские праздники, владыка устроил елку для них и для детей своих прихожан. Он сам ее наряжал, и когда все было готово, позвали детей, которые с нетерпением ждали в другой комнате. И владыка с доброй улыбкой смотрел, как радуются дети празднику. Затем всем детям раздавались подарки. Но после праздников он был вынужден по требованию властей ехать в Москву. В Москве он служил в храме апостолов Петра и Павла на Преображенской площади, а жил в подвальном помещении под церковью Архангела Михаила на Пироговской улице. За время его служения в Москве у него появилось много духовных детей – люди чувствовали высокий духовный настрой епископа, его беззаветную преданность Богу и шли к нему за духовной помощью и советом.

Православные в Иванове не согласились с решением местных властей о высылке епископа Августина в Москву, тем более что это было сделано без суда; они стали добиваться возвращения архиерея в город. Было собрано множество подписей под обращением с просьбой вернуть епископа Августина в Иваново.

Среди подписавшихся было много рабочих. Когда подписи были собраны, верующие отправили с документами своих представителей во ВЦИК к Калинину. Им удалось склонить к защите своего правого дела одного из чиновников ВЦИКа, который помог им добиться того, что незаконное решение о высылке епископа Августина было отменено, и владыка вернулся в Иваново.

Положение православных в те годы было тяжелым: власти преследовали их арестами, взимали с них огромные налоги, принуждали работать в двенадцатые праздники и в воскресные дни. Работницы ивановских ткацких фабрик и крестьяне спрашивали епископа, как им поступать, ведь работать в эти дни грех. И владыка ответил на этот вопрос в проповеди после литургии, пересказав им рассказ одного из русских писателей о злом и жадном помещике, который заставлял крестьян работать на себя всю неделю, оставляя им возможность работать на своем поле лишь в праздники. И крестьянам приходилось пахать даже на Пасху. Они ставили зажженную свечу на свой плуг и, идя за ним, пели пасхальные песнопения.

*Донской монастырь. 1925 год. Вынос тела Святейшего Патриарха Тихона после отпевания.
(Слева направо, на переднем плане): архиепископ Борис (Соколов), епископы Афанасий (Сахаров),
Августин (Беляев), Иларион (Бельский), Иоасаф (Удалов), Амвросий (Полянский)*

«Да, бывает, что мы всего оказываемся лишены, даже церковного богослужения, но веры и нашего внутреннего благочестия, нашей свободы во Христе нас не может лишить никто», – заключил епископ Августин свое слово.

Почти ежедневные проповеди, все возрастающая известность архиерея, любовь к нему ивановской паствы, а также почти полное поражение обновленцев в Иваново приводили в ярость местных безбожников, и 1 сентября 1926 года начальник Ивановского ОГПУ отправил донесение начальнику 6-го секретного отдела ОГПУ Тучкову в Москву, потребовав от московских властей разрешения на высылку епископа Августина за пределы Ивановской области. В своем заявлении он, в частности, писал: «Убаюканный неприкосновенностью... гражданин Беляев пришел к заключению, что бороться с ним Губотдел не может и что в размахах

работы ему в настоящее время не стоит стесняться... Эта наглая уверенность гражданина Беляева вылилась в новые формы работы для создания нелегальных кружков пока не оформленных христиан, имеющих целью завлечь и вернуть в "лоно Церкви" детей вообще, в частности коммунистов, в возрасте 13-16 лет.

Работа по вербовке и наставничеству проводится монашенками Покровского монастырского собора, главного храма служения Беляева. Нами точно установлены два случая. Первый. Дочь партийного товарища начинает отлучаться по вечерам из дома под предлогом посещения кинематографа, невозражающая ей мать давала ей деньги на билет и была далека от каких бы то ни было подозрений, таковые вкрались в голову более подозрительного отца. Последний установил наблюдение за дочерью и открыл причину кинематографической "горячки" дочери – оказывается, последняя... проводит вечера на службах Беляева в Покровском соборе. Второй случай. Партийный товарищ узнает от своего сынишки, что он и его сестренка водятся монашкой Покровского собора к Августину, где их учат молиться. Указанная монашка исполняла в данной семье какие-то домашние работы и, воспользовавшись возможностью общения с детьми, обратила их в христианство.

Указанные факты показывают, до чего обнаглел в своей черной деятельности зарвавшийся гражданин Беляев, не довольствуясь своей разрушительной работой над умами неразвитых широких масс рабочих и крестьян, он переносит свою деятельность на семьи партийных работников и если еще не дерзает на возвращение в православие самих партийцев, то уже дерзнул в этом на их детей.

Указанные факты являются вопиющим требованием на немедленное удаление гражданина Августина Беляева из пределов губернии навсегда...»

8 сентября 1926 года Тучков распорядился арестовать епископа и под конвоем доставить в Москву. 9 октября епископ Августин был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму в Москве. 21 октября власти допросили его.

– Скажите... по чьей инициативе был организован в Иваново-Вознесенске религиозный кружок для преподавания Закона Божьего детям, не достигшим совершеннолетия? – спросил следователь.

– Кружков я не организовывал никаких, рекомендовал лишь использовать... верующими законную возможность изучать Закон Божий при помощи священников или же самим родителям обратить на это внимание. Это я говорил с амвона в церкви, – ответил владыка.

В опровержение возводимых на него обвинений владыка написал пояснение: «Относительно возводимых на меня обвинений со стороны следователя в распространении провокационных слухов с контрреволюционной целью считаю своим долгом заявить, что мною, наоборот, были приняты меры к устранению явлений, компрометирующих советскую власть. Так, когда уездный уполномоченный вел себя нетактично в деле села Златоуста Иваново-Вознесенского уезда, с явным желанием покровительствовать обновленцам, употребляя средства чисто провокационного характера, я не дал возможности крестьянам этого села идти к прокурору с жалобой и представить дело суду. Для того, чтобы уладить всё, так сказать, домашним способом, я направил их к губернскому уполномоченному ОГПУ с целью рассказать ему все как было и что им было известно по этому делу. Так и было сделано.

Что в руках крестьян были все факты, уличающие уполномоченного по Иваново-Вознесенскому уезду, и что неотразимость показаний крестьян была

полная, об этом свидетельствует факт отстранения от должности уездного уполномоченного. Что мои действия имели всегда свою целью сохранить добрые отношения с местной властью и ликвидировать возникающие конфликты, об этом может свидетельствовать губернский уполномоченный Иваново-Вознесенского ОГПУ... с которым в крайнем случае, если бы он стал отказываться от подобного засвидетельствования, я хотел бы иметь очную ставку».

*Епископ Августин.
Москва. Бутырская тюрьма. 1926 год*

После допроса было составлено заключение по делу епископа, где ему было поставлено в вину, что по его инициативе «была организована епархиальная канцелярия для управления Иваново-Вознесенской епархией. Эта епархиальная канцелярия не была зарегистрирована в отделе Управления, что и носило характер нелегальной организации. Кроме этого... с целью "возвращения в лоно Церкви" у себя на дому организовал нелегальный кружок, где и преподавал детям, не достигшим совершеннолетия, Закон Божий».

22 октября 1926 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа к трем годам ссылки в Среднюю Азию. Узников было назначено отправить этапом 26 октября. Время высылки владыки стало известно православным заранее, и к поезду на Казанский вокзал приехало много духовных детей епископа из Москвы и Иванова. Были привезены дочери епископа, которым было тогда двенадцать и семь лет. Когда заключенных погрузили в

вагон, женщины упросили конвоиров разрешить епископу проститься с детьми. Владыка вышел из вагона и благословил их. Одним из духовных детей епископа были написаны безыскусные стихи, в которых так говорилось о его прощании с паствой:

«...В ряду меж конвойных стоял наш святитель,
В молитву сердечную весь погружен.
Высокого сана достойный носитель,
Приветлив и светел, как Ангел был он...
Смотрите, сей пастырь-изгнанник пред вами,
Святой панагией украшена грудь,
Сияя любовью, как будто лучами,
Готов он в далекий отправиться путь.
Кругом восклицанья, и вздохи, и слезы.
Прощай, наш святитель, наш пастырь родной,
Напрасно суровые слышим угрозы,
Напрасно толпу отгоняет конвой...
Оставьте винтовки, не бойтесь восстанья.
Поверьте, ваш узник от вас не уйдет.
Не сам ли внушал он всегда послушанье,
Не сам ли смиренью учил он народ.
Пред вами не злобный преступник мятежный,
Не страшный убийца, разбойник и вор.
Смотрите, как часто с молитвой прилежной
Он к небу возводит свой праведный взор.
Он Господа молит за паству родную,
Он молит за всех, за врагов и друзей.
Хотел бы он каждую душу больную
Согреть и утешить любовью своей.
Иди же, невинный святитель-изгнанник,
Твой путь незнаком, и тернист, и далек.
Но, Бога слуга и достойный избранник,
Не будешь ты с Ним никогда одинок».

Сразу же после ареста епископа Августина верующие Иванова стали хлопотать об освобождении архиерея и собирать подписи под прошением об этом среди рабочих города. Но на этот раз власти не отреагировали на протест верующих. Когда приговор вступил в силу и владыка был выслан, верующие произвели сбор денежных средств как для самого епископа, так и для находившихся в тех же местах ссыльных священнослужителей. Средства собирались во всех православных храмах города Иванова. В ответ на это власти стали усиленно преследовать православные общины, созданные епископом Августином, и арестовали всех организаторов сбора подписей в защиту епископа, а также сбора средств в помощь ссыльному духовенству. Все они были затем осуждены на различные сроки заключения за организацию «несанкционированного властями Красного Креста», – как писалось в обвинительном заключении.

Сначала епископ был сослан в город Ходжент, а затем в Педжикент, где он пробыл до марта 1930 года и куда к нему приехал его келейник и иподиакон Борис Семенов. Здесь владыка в комнате, которую снимал, устроил домашнюю

церковь, где служил сам и куда приходили помолиться некоторые ссыльные. Из ссылки он писал письма духовным детям, которые читались не только теми, кому были непосредственно адресованы, но и всеми его духовными детьми, находившими в письмах своего духовного отца утешение и поддержку.

Среди духовных детей епископа много было и подростков, им владыка писал из ссылки отдельно: «Верю, что если мое пребывание среди вас было добрым семенем, то эти добрые семена в вас не умрут...»

Отвечая на это письмо, они написали: «Мы, Владыко, стараемся по возможности чаще посещать церковь, хотя школьные занятия и не всегда способствуют этому. Однако вера наша не иссякает, несмотря на школьную пропаганду против Бога, а, к счастью, больше укрепляется...»

И в одном из следующих писем: «Многоуважаемый Владыко, просим Вашего благословения и поздравляем с днем Ангела. 2 июня мы кончили учебу, и все благополучно перешли в следующую группу. Теперь мы свободны и можем посещать святую церковь... Шлем Вам неизъяснимую на словах радость за письмо, мы его выучили наизусть. Посеянное Вами доброе семя за время пребывания среди нас не должно умереть, и мы постараемся его возрастить. По наставлению наших пастырей мы ежедневно читаем Евангелие, и это поддерживает наши силы... Любящие Вас деточки».

В ответном письме преосвященный Августин написал: «Родные деточки мои о Господе. Весьма радуюсь вашим учебным успехам, но скорблю, что в такой тесноте ваша религиозная совесть, вам уже заметили, что ношение креста позорит науку. Вот это характерно очень, ведь крест – символ терпения, самоограничения, которые необходимы для тех, кто встал на путь борьбы со всякой подлостью, живущей в человеке и в человечестве. Как же поэтому возражать против крестоношения.

Веруешь ли в Бога?

На этот вопрос можно было бы ответить вопрошающему, что, согласно нашей конституции, вопрос этот – лично мой вопрос, и открываться в нем перед кем угодно вещь не обязательная. Думается, что это самый меньший компромисс, который мог бы немного быть оправдан в христианстве... Как можно выдержать взгляд терпящих все христиан тому, кто открыто отрекся от всего, он должен уйти от верных ему.

Но мне кажется, верить в материализм, в материю (это бог материализма) для современности уж совсем срамно и неразумно, ибо современная наука, даже советская, и та не дает и не только не дает, а и отнимает всякое основание верить в этого бога материализма – материю. Что вам мешает познакомиться и с нашими научными авторитетами?.. Для материалистического миропонимания очень трудным является вопрос о соотношении между духом и материей. С точки зрения энергетика дело обстоит гораздо проще. Энергетика признает за энергией (духа) самостоятельное существование и рассматривает материю как вторичное явление... Устранение понятия материи как реальной первоосновы всего сущего и замена его энергией не должны нас смущать. Конечно, наука... не занята богословием... однако несомненно, что наше религиозное учение о нематериальной основе всего, о бытии духа вполне... совпадает с современными научными данными. Между тем как материалисты здесь теряют своего бога. И если настаивают на своем, то по невежеству. Их религия противонаучная.

Итак, видите, в мире науки наши религиозные взгляды имеют, однако, возможность, что для вас, при вашей вере существенного значения не имеет. Вы

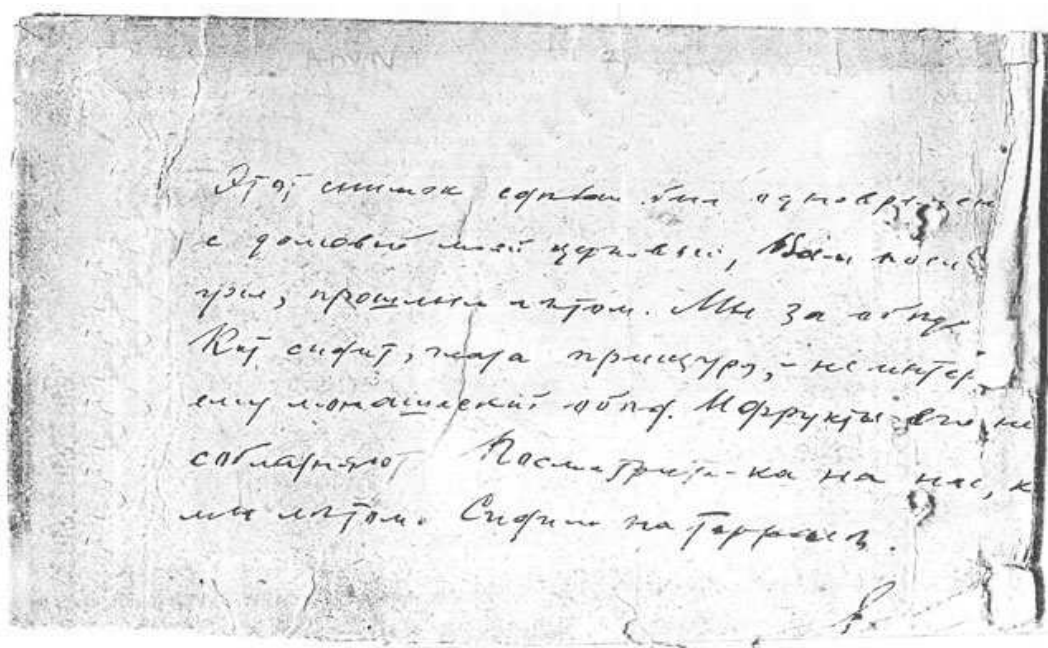
спрашиваете, как быть – это важно вам знать. Но совет мой вы уже предугадываете. Я с семьей не согласен, если она вам советует разделить внутреннее и наружное.

Если скоро прибегнете к покаянию и не убедите совесть грызущую, то не впадете в грех отрицания Бога, а если усыпите совесть, помириться с утешающим вас пороком, то обязательно впадете в большой грех... Блюдайте же чистоту одежды своей души...»

Чтобы как-то утешить своих дочерей, которым так рано пришлось столкнуться с лишениями, владыка им написал:

Епископ Августин и иподиакон Борис Семенов. Педжикент

«Спите, деточки родные,
Бог ваш сон хранит.
Сны пошлет вам золотые,
Лаской окружит.
Горе к вам подкралось рано,
Принесло кручин.
В цвете лет отняло маму,
Сделало почин.
И отец родной не с вами,
Он в чужом краю,
Запечатанный печатью
Верности Христу.
Дети, вновь Христос страдает,
Колет терн главу,
Ваш отец там помогает
Крест нести Ему».

После окончания трех лет ссылки Особое Совецание ОГПУ 14 октября 1929 года постановило: запретить преосвященному Августину в течение трех лет проживание в шести крупных городах и областях этих городов, а также в Ивановской области, с прикреплением на эти три года к постоянному месту жительства для удобства за ним надзора ОГПУ.

Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей назначил епископа Августина на Алма-Атинскую кафедру, но местные власти запретили владыке жить в Алма-Ате, и митрополит Сергей направил его на кафедру в Сызрань. В апреле 1930 года преосвященный Августин прибыл в Сызрань, где снял часть дома; сюда к нему приехал его келейник Борис Семенов. Здесь, в Сызрани, владыка рукоположил его в сан диакона.

Весной 1930 года местные власти в Сызрани начали активную кампанию по закрытию церквей, когда сразу же было закрыто пять храмов. Верующие направили делегацию в Москву с ходатайством об открытии незаконно закрытых церквей.

Епископ Августин с начала своего служения на этой кафедре стал пользоваться огромным авторитетом среди верующих и объединил вокруг себя все духовенство, явившись для всех и заботливым отцом, и мудрым руководителем. Это не понравилось местной власти, и она стала искать повод для ареста архиерея и активной части духовенства и верующих. Меньше года прослужил преосвященный Августин в городе Сызрани. 21 февраля 1931 года ОГПУ арестовало его и с ним шестнадцать священников, одного монаха и тридцать девять мирян, в их числе старост и членов церковных двадцаток. Всех обвинили в том, будто бы они вели борьбу против мероприятий советской власти, и в особенности против колхозного строительства и ликвидации кулачества как класса, организовано боролись за политические права Церкви путем отстаивания и пропагандирования монархических устоев тихоновской церкви, организовали помощь находящимся в ссылке верующим под лозунгом «помощи мученикам политического режима советской власти»; их обвинили также и в том, что они призывали верующих протестовать против закрытия

храмов и распространяли в этой связи провокационные слухи о гонениях на религию.

В обвинительном заключении так описывается роль епископа Августина: «С появлением на Сызранской кафедре епископа Августина церковная жизнь почувствовала в нем крепкую опору старых традиций, к нему потянулось самое реакционное духовенство... а также миряне из бывших людей и торговцев... видя в нем своего по духу человека, и с этого момента епископ Августин под флагом религиозной общины Казанского собора начал вновь концентрировать, до сих пор разрозненный, поповско-торгашский и монашеский элемент. Таким путем под его непосредственным руководством произошло окончательное оформление ядра контрреволюционной организации...»

Вопреки всем этим обвинениям, владыка придерживался иного взгляда на взаимоотношения Церкви и государства, далекого от упрощенного политиканства, и, вызванный на допрос, на поставленные ему следователем вопросы ответил: «Политику советской власти, политику насаждения колхозов, имеющих целью уравнение людей в пользовании землей и ее продуктами с общей обработкой земли и упразднением богатого класса людей, нахожу соответствующей христианскому мирозерцанию и приемлемой. Каково отношение сызранского духовенства к этому вопросу, не знаю, ибо оно не высказывалось об этом. Во всяком случае, полагаю, что оно согласно со мной в этом вопросе, как и в вопросе об отношении к митрополиту Сергию, как к церковному деятелю, устанавливающему добрые отношения Церкви и власти. Это можно заключить хотя бы из того, что к моему вступлению в управление Сызранской церковью отцы отнеслись дружелюбно и никогда не говорили мне о своих колебаниях в приверженности к сергиевской ориентации. Молитвы о стране нашей и о властях ее возносятся в сызранских храмах; по этому вопросу мне из них также не возражал никто ничего, что опять говорит о их лояльном отношении к советской власти».

На вопрос, какой характер носила его переписка с верующей молодежью из Иванова, владыка ответил: «Переписка носила личный характер, то есть вопросов, касающихся религиозного мирозерцания, отношения к родственникам и так далее. По вопросу о религиозном мирозерцании молодежи я отвечал, что верить в материализм и материю и срамно, и не научно, и не современно».

Вызванный 22 апреля на очередной допрос, владыка на настойчивые требования следователя признать себя виновным в участии в организованной антигосударственной деятельности ответил: «В предъявленном мне обвинении виновным себя ни по одному пункту обвинения не признаю. К ранее данным показаниям добавляю, что ни в какой организации я не состоял, среди верующих никакого возмущения ни проповедями, ни агитацией не проводил».

В конце апреля преосвященный Августин был ознакомлен с выдвинутыми против него обвинениями и на допросе потребовал от следователя разрешения дополнить свои показания письменно. Владыка написал: «По всем пунктам предъявленного мне обвинения виновным себя не признаю, причем к ранее данным показаниям добавляю: по первому пункту обвинения, предъявленного мне, что я являюсь организатором и руководителем контрреволюционной организации, я поясняю, что никаких собраний ни духовенства, ни мирян у меня не было ни в квартире, ни в соборе, а также и в других церквях; личности, указанные в обвинении, мне совершенно неизвестны, кроме Стерлякина,

который является соборным старостой... но не отрицаю, что духовенство, в лице отдельных лиц, по делам богослужебного характера у меня на квартире бывало, а также бывали на квартире и представители церковных обществ, которые являлись для приглашения меня на богослужения. В пунктах предъявленного мне обвинения в систематической агитации и распространении провокационных слухов, а также психологической подготовке массы к предстоящей интервенции, в умышленной концентрации всего реакционного духовенства и торгового, монашеского элемента вокруг Казанского собора виновным себя также не признаю...»

Епископ Сызранский Августин

О преследовании религии и духовенства я не говорил... Об интервенции не говорил и не помышлял».

По одному делу с епископом Августином власти арестовали иеромонаха Нифонта (Выблова).

Иеромонах Нифонт родился в 1882 году в городе Ейске в семье небогатого крестьянина Григория Выблова. Когда ему исполнилось десять лет, родители отдали его учиться в двухклассную сельскую школу в городе Ейске, которую он

окончил в 1894 году. Затем он стал помогать по хозяйству отцу. Отец его умер, когда юноше исполнилось семнадцать лет, и с этого времени они остались хозяйствовать вдвоем с младшим братом. В 1913 году он уехал в село Подлесное Хвалынского уезда Саратовской губернии к известному в этих местах миссионеру иеромонаху Антонию (Винникову), который заведовал миссионерской школой. Пробыв некоторое время в миссионерской школе у иеромонаха Антония и утвердившись в решении вступить на новый путь, он поступил в мужской монастырь в городе Хвалынске, где вскоре был пострижен в монашество с именем Нифонт и хиротонисан в сан иеромонаха. В 1925 году епископ Вольский назначил служить иеромонаха Нифонта в храм в село Березовый хутор, где он прослужил до дня своего ареста.

28 декабря 1930 года местное отделение ОГПУ, поставившее своей целью закрытие всех храмов в районе, направило двух милиционеров в село Березовый хутор для ареста священника. Приехав в село, они увидели, что в храме идет богослужение. Тогда они направились в дом священника, чтобы там дожидаться его возвращения из храма. В нетерпении они несколько раз посылали сотрудников сельсовета узнать, когда же наконец закончится служба, о чем всем в селе стало известно, как и о предстоящем аресте священника. По окончании литургии было совершено отпевание покойника, гроб с его телом священник проводил на кладбище. Домой отец Нифонт и приехавший к нему в гости его духовный отец, иеромонах Антоний (Винников), бывший с ним в храме, пришли около двух часов дня. По их приходе был произведен обыск, а затем иеромонахов вывели из дома и велели садиться на подводу. К этому времени около дома священника собралась толпа числом около сорока человек, в основном женщин. Они стали требовать освобождения священнослужителей. Тогда милиционеры вытащили оружие и под угрозой стрельбы заставили священников сесть на телегу. Люди закричали, что власти учиняют разбой, и потребовали освободить ни в чем не повинных пастырей. Тогда милиционеры стали переписывать тех из присутствующих, кто вел себя наиболее активно, и угрожать им арестом. Был послан гонец в соседнее село за милицейским подкреплением. Все это принудило верующих отступить, и арестованные священники были увезены в тюрьму в город Сызрань. Однако, арестовав иеромонаха Нифонта, ОГПУ не смогло выдвинуть против него никаких обвинений. Сотрудник местного ОГПУ написал: «Связь с местными кулаками не установлена, но те обстоятельства, что к нему ежедневно носили хлеб и молоко, и больше всего приносили зажиточные, и даже дочь выселенного в Северный край кулака Татьяна Шуракина прислуживала ему, пекла хлеб и стирала белье, – заставляют думать, что поп Выблов имел связь с кулацкой частью села...»

Допрошенный следователем, иеромонах Нифонт виновным себя не признал; об иеромонахе Антонии, арестованном вместе с ним, сказал, что знает его по монастырю в Хвалынске с юности и неоднократно ездил к нему в Хвалынск в последнее время, чтобы исповедаться. В последний раз они вместе вернулись из Хвалынска в село Березовый хутор, где и были арестованы.

Иеромонах Нифонт скончался 30 августа 1931 года в половине десятого утра в Сызранской тюрьме.

Незадолго до его ареста, в середине декабря 1930 года, власти арестовали его духовного сына Александра Антоновича Медема.

Мученик Александр родился в 1877 году в городе Митаве Курляндской губернии в семье сенатора Антона Людвиговича Медема, занимавшего многие

видные государственные посты, в частности губернатора Новгородского. Это был человек, о котором народ сохранил самые добрые воспоминания. Во время беспорядков в Новгородской губернии в 1905 году он без всякого сопровождения выезжал на места происшествий. Подъезжал в тарантасе к бунтующей толпе, смело входил в середину ее, раскланивался с народом, снимал фуражку и начинал говорить тихим голосом. Его вид и манера говорить производили ошеломляющее впечатление, сначала поднимался шум, но вскоре все затихало, и люди с интересом слушали губернатора. В Новгороде ему пришлось заступиться за вдову, у которой один торговец обманом выудил векселя на крупную сумму. Приехав к нему, Антон Людвигович попросил показать векселя и, получив бумаги, швырнул их в пылающий в камине огонь. И затем сказал торговцу: «Никакого права так поступать я не имел, и вы можете подавать на меня в суд». Торговец однако не стал подавать в суд, и вдова была спасена от разорения.

В 1870-х годах Антон Людвигович купил имение в шесть тысяч десятин земли в Хвалынском уезде Саратовской губернии. Впоследствии его сын Александр Антонович продал из них две тысячи десятин крестьянам по самой низкой цене.

Александр окончил в Новгороде гимназию, а затем в 1897 году – юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но юридическая служба его не привлекла. С младенческих лет он привязался к земле. Почти ни одна сельскохозяйственная работа не проходила без его участия, что способствовало приобретению многих практических знаний в области сельского хозяйства и развитию глубокой любви к родному краю и народу.

*Александр Антонович Медем
в годы Первой мировой войны*

В 1901 году Александр Антонович женился на Марии Федоровне Чертковой. Впоследствии у них родилось четверо детей – сын и три дочери. Сын после революции эмигрировал в Германию, одна из дочерей была расстреляна в 1938 году.

До 1918 года Александр Антонович управлял имением. После того как советской властью все частные землевладения были конфискованы, он стал арендовать несколько десятин земли, сколько было по силам самому обработать. Жили небогато; средств, полученных чаще всего в долг, его семье иногда хватало лишь на то, чтобы закупить семян и провести самые необходимые сельскохозяйственные работы. В иные времена не было лошади, а участок находился за тридцать километров от города, и до него приходилось добираться или пешком, или с попутными подводами.

Когда началась гражданская война, Александр Антонович и два его брата договорились, что будучи русскими, не поднимут руку на своих и не будут принимать участия в гражданской войне. В 1918 году большевики арестовали его и приговорили к расстрелу, но накануне исполнения приговора отпустили домой попрощаться с родными. Он уже собирался вернуться наутро в тюрьму, но утром большевики были выбиты из города белыми, и приговор сам собой отменился. Летом 1919 года он снова был арестован и заключен в тюрьму в городе Саратове. Вернувшись из тюрьмы, он говорил, что нигде так хорошо не молился, как в тюрьме, где в дверь по ночам стучится смерть, а чья очередь – неизвестно.

Летом 1923 года ОГПУ вновь арестовало Александра Антоновича, и он был заключен в тюрьму в городе Саратове. Следователь спросил его на допросе, как бы он организовал животноводческое хозяйство. Александр Антонович рассказал, входя во все подробности. Следователь с интересом выслушал его и в заключение воскликнул: «Эх, люблю таких людей! Только, конечно, никакого хозяйства мы вам вести не дадим!» В конце октября 1923 года Александр Антонович был освобожден и вернулся к родным.

Аресты и лишения закалили его душу и укрепили веру. Своему сыну Федору он писал в 1922 году: «.....На днях твое рождение – тебе исполнится двадцать один год, то есть гражданское совершеннолетие. Буду особенно горячо за тебя, мой мальчик, молиться, чтобы Господь помог тебе достойно и возможно праведно пройти свой земной путь и душу свою спасти, дал тебе счастья, силу и душевную и телесную, смелость и дерзновение, и крепкую непоколебимую веру. Одна только вера, что не все кончается здесь земным нашим существованием, – дает силу не цепляться во что бы то ни стало за свою малозначащую жизнь и ради ее сохранения идти на всякую подлость, низость и унижение...

Действительно свободным может быть только человек глубоко и искренне верующий. Зависимость от Господа Бога – единственная зависимость, которая человека не унижает и не превращает в жалкого раба, а, наоборот, возвышает. Проповедник и наставник я плохой, но мне хочется тебе сказать то, что я особенно остро чувствую и для тебя желаю.

Верь твердо, без колебаний, молись всегда горячо и с верой, что Господь тебя услышит, ничего на свете не бойся, кроме Господа Бога и руководимой Им своей совести – больше ни с чем не считайся; никогда никого не обидь (конечно, я говорю о кровной, жизненной обиде, которая остается навсегда) – и думаю, что благо ти будет.

Христос с тобой, мой мальчик, мой любимый. Мы с мамой постоянно о тебе думаем, за тебя Бога благодарим и молимся за тебя... Крепко тебя обнимаю, крещу и люблю. Господь с тобой. Твой отец».

В 1925 году его супруга Мария Федоровна писала сыну Федору, жившему за границей: «...Еще хочется про папу тебе сказать, но не знаю, поймешь ли ты меня. Мы в таких различных условиях жизни живем, что многое вам может показаться непонятным.

За эти годы он необыкновенно вырос нравственно. Такой веры, такого мира и спокойствия душевного, такой истинной свободы и силы духа я в жизни не видела. Это не только мое мнение, могущее быть пристрастным. Все это видят. И этим мы живы – больше ничем, ибо самый факт, что мы такой семьей существуем, не имея ничего, кроме надежды на Господа Бога, это доказывает».

Невзгоды, болезни, тяжелый труд, который становился иной раз непосильным, привели к тому, что Александру Антоновичу пришлось оставить работу на земле. Он писал по этому поводу детям: «Я не сомневаюсь, что, быть может, я и заслуживаю тяжких упреков: я, де, полный сил и здоровья человек, предаюсь созерцательному образу жизни, сижу ничего не делая и воплю о помощи. Но дело в том, что выхода мне другого нет. Мне действительно предлагали поступить на службу. Но служить этим расхитителям России и расхитителям души русского народа – мерзавцам – я не могу. На это мне говорят, что чем я лучше других? Почему другие могут, по необходимости, это делать, я же строю из себя какую-то исключительную персону? Ничего я из себя строить не собираюсь, ничуть этим не возношусь, я просто думаю, что не для того меня Господь сохранил и вывел из самых, казалось, безнадежных положений, чтобы я изменил своему народу, служа его погубителям. Не могу, и служить не буду – лучше с голоду сдохну. Частной службы или какого-либо дела своего вести – и думать нечего. Все уничтожается в зародыше... Вот и приходится сидеть и ждать, ждать, как теперь 95% русского народа ждет откуда-то каких-то избавителей...»

О положении в стране он тогда же писал сыну: «...Пожалуйста не верьте, что у нас жизнь бьет ключом, промышленность развивается, крестьянское хозяйство восстанавливается и прочее. Все сплошные выдумки, как и все, что от нас исходит. Я ни одного крестьянина не знаю, у которого было бы три лошади... Вообще ничего нет. А на то, что есть, – цены бешеные, продукты же крестьянского хозяйства обесценены до последней крайности...

Напор на Церковь, одно время ослабевший, снова повышается. Митрополит Петр (Полянский. – И. Д.) сидит...

На Кавказе... отбирают последние церкви у православных и передают "живым" – этим антихристовым слугам. У нас пока тихо, "живых" у нас нет. Но, вероятно, и до нас это докатится. В этом случае, конечно, первым полечу я. Я нисколько этого не боюсь, я даже буду очень рад... На все воля Божия. Мы свое дело делаем, и, конечно, наша кровь, если ей суждено пролиться, зря не пропадет... Благословляю тебя, мой мальчик, на жизнь. Живи просто, честно, по-Божески. Унынию никогда не поддавайся...»

В 1928 году Александр Антонович был арестован и заключен в тюрьму в городе Саратове. По окончании следствия он был приговорен к лишению права жить в шести крупных городах и поселился в городе Сызрани, близком к родным местам. К этому времени он овдовел, и в ссылку в город Сызрань вместе с ним поехали его дочери, одна из которых устроилась на работу в Краевое врачебное управление.

Осенью 1930 года Александр Антонович снова был арестован. Следователь спросил его на допросе, каких он придерживается политических убеждений и каково его отношение к советской власти. Александр Антонович ответил: «Определенных политических убеждений я не имею, поскольку я не занимался политикой. К существующему строю мое отношение лояльное. С программой коммунистической партии и советской власти я не согласен».

На допросах Александр Антонович держался с большой выдержкой и достоинством, хотя в это время тяжело страдал от туберкулеза легких, которым болел уже в течение нескольких лет. Следователь утверждал, что арестованный обязан отвечать на все вопросы, но окончивший юридический факультет Александр Антонович придерживался иной точки зрения и на вопросы следователя отвечал следующим образом: «Знакомых в городе Сызрани, которых я посещаю или которые посещают меня, нет. "Шапочных" знакомых, то есть лиц, которых я знаю по фамилии и в лицо, немного; также имеются в городе Сызрани такие лица, с которыми на улице при встречах раскланиваюсь, но их фамилии часто не знаю. Назвать тех лиц, которых я знаю по фамилии и в лицо, затрудняюсь, поскольку я их очень мало знаю и выставлять их в качестве своих хороших знакомых не желаю».

– Так есть ли у вас люди, которых вы знаете в городе Сызрани? – спросил следователь.

– Люди, которых я знаю в городе Сызрани, имеются. Назвать я их не могу, потому что я их не вспомню.

– Отказываетесь ли вы, гражданин Медем, назвать людей, которых вы знаете, или нет?

– Отказываюсь, потому что не могу вспомнить.

– Из вашего ответа, гражданин Медем, следует, что, с одной стороны, люди, которых вы знаете, имеются, с другой – вы их не знаете.

– Фактически так и есть.

Такой ответ поставил следователя в тупик, и, желая оказать нажим на арестованного, он продиктовал ему текст предупреждения: «Ниже подписываюсь в том, что мне со стороны ведущего дело было 28 декабря 1930 года объявлено о том, что я своим отказом назвать людей, которых я знаю в городе Сызрани, препятствую выяснению всех обстоятельств дела и, таким образом, снимаю ответственность с Сызранского отдела ОГПУ в соблюдении соответствующих процессуальных норм в части срока содержания под стражей».

Подписавшись под предупреждением, Александр Антонович написал к нему дополнение: «Из лиц, которых я знаю по имени, отчеству и фамилии, я некоторых в данное время помню, но назвать и этих отказываюсь по той причине, что выдвигать людей, которых я случайно вспомнил, этим самым совершая по отношению к ним несправедливость, – не нахожу возможным».

Таким образом дело до предъявления обвинения так и не дошло. В начале 1931 года у Александра Антоновича обострился туберкулезный процесс в легких, что было связано с тяжелыми условиями тюремного заключения, и 22 февраля он был переведен в больничный корпус Сызранской тюрьмы.

Дочери, узнав о тяжелом состоянии здоровья отца, стали добиваться свидания. Им разрешили, сказав, чтобы они пришли завтра. Но когда они пришли на следующий день, им ответили, что их отца еще вчера схоронили, а где – отказались назвать. Александр Антонович скончался в тюремной больнице

1 апреля 1931 года в половине первого дня. Отпевали его заочно в соборе города Сызрани.

Одновременно с епископом Августиним был арестован его келейник **диакон Борис**. Он родился в 1900 году в Санкт-Петербурге в семье наборщика типографии журнала «Нива» Александра Семенова. До 1916 года Борис учился в 6-й технической школе при фабрике Госзнак, а затем до 1920 года работал на этой фабрике рабочим. В 1920 году она была эвакуирована в Москву, куда переехала и вся семья Семеновых. До 1922 года Борис работал конторщиком, а затем в связи с массовым сокращением рабочих был уволен и поступил учиться в садово-огородный техникум. В это время он начал помогать в храме Архангела Михаила на Пироговской улице в качестве алтарника, здесь он познакомился с епископом Августиним и стал его келейником и иподиаконом.

Когда владыка был выслан в Среднюю Азию, Борис поехал вслед за ним в город Педжикент. Он работал здесь во фруктовых садах и помогал епископу во время совершения келейных богослужений. После того как епископ Августин получил назначение на кафедру в Сызрань, он выехал к нему и помогал во время богослужений в качестве иподиакона, кроме того он выполнял различные церковные поручения. Во время поездок Бориса Александровича в Москву владыка передавал с ним письма митрополиту Сергию. В декабре 1930 года преосвященный Августин рукоположил Бориса в сан диакона.

Арестованный вместе с владыкой, он так ответил на вопросы следователя: «По моим убеждениям, в настоящее время со стороны советской власти идет притеснение служителей религиозного культа. Это убеждение у меня сложилось потому, что духовенство облагается непосильными налогами, которые оно выполнить не может... На политические темы мне с епископом Августиним беседовать не приходилось, и я не могу сказать о его взглядах на то или иное мероприятие. Лично мой взгляд на кампанию по коллективизации крестьянских хозяйств такой: коллективизация для православного христианина приемлема лишь в том случае, если она не будет направлена во вред его религиозным убеждениям, то есть если коллективизация не будет преследовать целей угнетения религии».

28 октября 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Августина и диакона Бориса к трем годам заключения в концлагерь.

Тюрьма в Сызрани находилась далеко за городом. Во все время следствия заключенных водили на общественные работы в поле. Когда дети епископа приехали в Сызрань, верующие старались устроить им свидание с отцом, но это не удалось, так как к охраняемой вооруженным конвоем колонне заключенных никому не давали приблизиться. Тогда их подвели к ограде тюрьмы, откуда было видно окно камеры, где находился епископ. Когда верующие подошли к ограде, владыка из окна камеры всех благословил. После того как приговор был объявлен, власти разрешили общее пятнадцатиминутное свидание приговоренных с родственниками. Детей завели в комнату свиданий. Загремели засовы, и заключенных ввели в комнату. Преосвященный Августин вышел спокойный, улыбающийся, только по бледности лица можно было судить о тяжести заключения. Разговаривать среди общего шума было трудно, но дети и тому были рады, что видят перед собой отца.

Через сочувствующих из администрации тюрьмы и охрану верующие узнали день отправки заключенных из города и заранее пришли на вокзал, взяв с собой дочерей владыки. Поезд еще не подали, не было и этапа. На улице стояли

морозы, но, несмотря на холод, все терпеливо ждали, когда приведут заключенных. Наконец среди ожидавших послышалось: «Ведут! Ведут!» Появилась охраняемая конвоем колонна заключенных. Впереди в рясе и с посохом в руке шел преосвященный Августин. Колонна остановилась около железнодорожных путей. Ее тут же окружили солдаты, так что подойти ближе и поговорить было нельзя. Одна из дочерей епископа сняла с шеи теплый шарф и упростила конвоира передать его архиерею. Часовой передал шарф, но епископ не принял и передал обратно, и тогда дочь обратилась к часовому вторично с той же просьбой. На этот раз епископ согласился и надел шарф на шею. Поезд все не подавали, и заключенных ввели в помещение. Епископ оказался у окна, к которому подошли дети, и он им на стекле написал, чтобы они шли домой и не мерзли так долго. Только впоследствии, вспоминая этот период своей жизни, дочери поняли, сколь великую святитель имел веру и надежду на Промысел Божий. «За молитвы праведника Бог не оставил нас и мы не пропали. Около нас всегда были добрые люди», – вспоминали они. После отправки епископа в концлагерь дочери вместе с няней уехали в Пензу к сестре их покойной матери. Они жили тем, что меняли или продавали вещи, оставшиеся от владыки.

Преосвященный Августин был отправлен в концлагерь недалеко от станции Лодейное Поле Ленинградской области. Лагерь находился в глухом лесу, и до ближайшего городка было десять километров. Заключенные здесь занимались сбором смолы. Работа считалась легкой, но была установлена столь высокая норма, что далеко не все могли ее выполнить, а кто не выполнял, того лишали пайка. Сначала епископ работал вместе со всеми в лесу, а затем фельдшером на медпункте. Для пополнения запаса медикаментов его иногда отправляли в город, где он познакомился с местным священником, через которого сообщил близким свой адрес, и спустя некоторое время стал регулярно получать посылки. В концлагере владыка строго соблюдал все церковные посты и никогда не ел ничего мясного, отдавая его другим. Если бы не помощь духовных детей, владыка вряд ли смог пережить в столь суровых условиях весь срок заключения.

Сюда к нему в лагерь приехали его духовные дочери Анастасия и Нина, которые привезли продукты и теплые вещи. Они ехали через Ленинград и там купили для владыки свежих фруктов и овощей. Приехав на станцию Лодейное Поле, они остановились у знакомого владыке священника и пошли в сельсовет за разрешением на свидание. Там их спросили, кто они будут епископу. Они сказались племянницами, и им было велено прийти через пять дней за разрешением. Переживая, что за пять дней фрукты испортятся, они решили отправиться в лагерь немедленно. Пошли по лесной дороге, не вполне уверенные, правильно ли идут. И увидели идущего им навстречу старичка. Они спросили его, далеко ли до лагеря.

– Да нет, это недалеко. А вы к кому идете?

– К Беляеву.

– Ой, это такой хороший человек. Идемте, я вас отведу. Он так строго постится.

Старичок привел их к воротам лагеря и велел им подождать. Через некоторое время к воротам вышел владыка – обритый, в кепке и в плаще; они поначалу его не узнали. Владыка провел их на территорию лагеря и устроил в санчасти. Они прожили здесь пять дней, а через пять дней пошли в Лодейное Поле за разрешением на свидание и, получив его, вернулись обратно.

В последний день перед отъездом они побеседовали с владыкой до позднего вечера и не заметили, как наступила глубокая ночь. Но разрешенные для свидания дни окончились, и оставаться дальше было нельзя. Идти надо было десять километров, причем дорога пролегла через глухой темный лес. Страх охватил их сердца. Владыка проводил их до ворот концлагеря, благословил и сказал: «Идите и не бойтесь, я буду молиться за вас». Они успокоились и благополучно, мирно добрались до города.

Послушник епископа диакон Борис был отправлен в другой концлагерь, также недалеко от станции Лодейное Поле, и в заключении скончался.

По окончании срока заключения, в 1934 году преосвященный Августин был назначен епископом Калужским и Боровским. Когда владыка приехал в Калугу, туда приехала дочь Нина, но жила она отдельно от него. Поначалу епископа в городе знали немногие, и он снимал маленькую комнату. Первую Пасху владыка праздновал вдвоем с дочерью. Впоследствии, когда владыку узнали в городе, он переехал в дом к одному из калужских священников. Здесь ему стало жить попросторнее, и сюда к нему стали приезжать духовные дети из Москвы. Бывало нередко в эти годы, что в дом приходила милиция, чтобы проверить, нет ли в доме посторонних. Затем владыка переехал на улицу 1905 года, где он прожил до ареста; у него было две комнаты, в одной из них жила няня Анисия Ефимовна.

Служил епископ в Калуге в храме великомученика и Победоносца Георгия. От дома до храма он всегда ходил пешком, в рясе и клобуке, с панагией на груди и с посохом в руке. Между тем это было время разгара гонений на Русскую Православную Церковь, и зачастую, когда он шел по улице в храм, прохожие смеялись над ним, отпуская ему вслед оскорбительные реплики, но он шел и как будто не слышал их. Когда к нему подходил кто-нибудь из верующих под благословение, он всегда останавливался и не спеша благословлял. Владыка часто служил и всегда за богослужениями проповедовал. Православный народ любил своего архипастыря, и во время его служб в храме всегда было много молящихся. Молился он сосредоточенно и вдохновенно и этим вдохновением и серьезностью увлекал других. В нем чувствовались непоколебимая апостольская вера и твердость, видя которые, и другие укреплялись в вере и уповании на Господа, вновь ощутив себя стоящими на твердом камне, которому не страшно море бушующего злобой безбожия. После богослужения владыка выходил на кафедру, и народ подходил к нему под благословение. В это время все присутствующие пели молитвы «Отче наш», «Царю небесный», «Не имамы иныя помощи» и другие – и так выучивали их наизусть. Чаще всего народ не покидал храма, пока владыка не благословит всех. После этого многие шли вместе с ним, провожая его до дома.

Владыка Августин обладал удивительным смирением и в своей келье в любое время безотказно принимал всех, кто приходил к нему как по делам церковным, так и по личным. Люди шли к нему за советом, за утешением и помощью, и он не отказывал никому. С дочерью Ниной, которая после окончания седьмого класса переехала в Калугу и для которой снимали комнату неподалеку от дома, где жил владыка, он считал нужным говорить не только на религиозные, но и на научные темы. Преосвященный Августин был в курсе не только церковных событий, но и многих научных открытий. Так, они говорили о разных теориях происхождения человека. В школе преподавали по Дарвину, и владыка подробно рассказал дочери о том, что теория Дарвина опровергнута многими учеными и с научной точки зрения показала полную несостоятельность.

В комнате, где жил епископ, около большого окна стоял стол, за которым он работал; за этим же столом все пили чай и обедали, чаще всего в присутствии гостей, так как владыку всегда кто-нибудь посещал и после беседы оставался на трапезу. На праздники к владыке приезжало много богомольцев из Иванова, Кинешмы и Москвы. Со всяким он находил время для беседы, всех выслушивал, если кто просил – исповедовал. Он смиренно, терпеливо и сострадательно вникал в нужды и горести каждого, и все у него находили совет, поддержку и утешение духовное.

Архиепископ Калужский и Боровский Августин

2 апреля 1936 года преосвященный Августин был возведен в сан архиепископа. Пасха 1937 года, благодаря торжественному и вдохновенному служению владыки, несмотря на все гонения, ощущалась верующими в Калуге как одна из самых радостных. Воскресение Христово осознавалось реальнее всех событий мира сего, перед ним отступал и рассеивался тяжелый мрак, охвативший тогда все сферы жизни народа.

Осенью 1937 года среди духовенства, верующих и жителей города Калуги начались аресты. Архиепископ Августин был уверен, что воинствующие безбожники непременно его арестуют, и он спокойно и серьезно готовился к предстоящему аресту и грядущим страданиям. Пересматривал записи, письма, уничтожал все то, что кому-либо могло повредить. Накануне праздника Рождества Богородицы, 20 сентября, ему пришла повестка с требованием явиться к городским властям. Иногда власти вызывали архиерея в здание городского совета по церковным делам, но время в этой повестке было проставлено столь позднее, что владыка понял, что его вызывают для ареста. Дочь владыки почти всегда заходила из школы к нему, а вечером уходила ночевать к себе. В этот день она задержалась в школе и не пошла на всенощную. Когда владыка пришел из храма, он спросил ее: «Ты почему не была на всенощной? Я тебя искал. Я тебя смотрел». И прибавил: «Меня вызывают в горсовет». Затем благословил ее и сказал: «Если тебе будут нужны деньги – молись преподобному Серафиму, он поможет тебе. Он всегда мне помогал».

В ту же ночь в дом, где жил архиепископ, пришли сотрудники НКВД и забрали все его вещи: панагию, Евангелие, духовные книги, дикирий, трикирий и многое другое, взяли всё, что попало под руку.

После ареста владыка был сразу допрошен. И затем допросы продолжались весь месяц.

– Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Следствие требует от вас дать правдивые показания по этому вопросу, – заявил следователь.

– Контрреволюционной деятельностью я не занимался и виновным себя не признаю.

– Вы врете, следствие располагает точными данными, что вы действительно занимались контрреволюционной деятельностью, прекратите запирательство и дайте правдивые показания по этому поводу.

– Контрреволюционную деятельность я отрицаю и ее не проводил.

– Следствие располагает точными данными, что вы, Беляев, будучи враждебно настроены к существующему советскому строю, объединили вокруг себя контрреволюционно настроенное духовенство на борьбу с советской властью, признаете себя виновным в этом?

– Контрреволюционно настроенного духовенства я не знаю, никого на борьбу с советской властью не призывал и виновным себя в этом не признаю.

– Следствие располагает абсолютно точными материалами, что вы, Беляев, были членом нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации, признаете себя виновным в этом?

– Членом нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации я не был, о существовании такой организации мне ничего не известно и виновным себя в этом не признаю.

– Следствию достоверно известно, что вы... приехав в город Калугу в 1934 году... являлись руководителем церковно-монархической контрреволюционной организации. Подтверждаете вы это?

– Нет, не подтверждаю.

– Ряд лиц, арестованных вместе с вами, признали себя членами церковно-монархической контрреволюционной организации и утвердительно показали, что вы являетесь организатором и руководителем контрреволюционной организации, членами которой они состоят. Что вы скажете на это?

– Вновь утверждаю, что я в контрреволюционной организации не состоял и контрреволюционной деятельностью не занимался.

– Вам зачитывается выдержка из показаний Ивана Алексеевича Остроглазова от 9 октября 1937 года, где он признал себя членом контрреволюционной организации и показал, что вы, Беляев, являетесь организатором и руководителем данной контрреволюционной организации... Теперь вы признаете себя виновным?

– Виновным в контрреволюционной деятельности я и теперь себя не признаю.

– Аналогичные выдержки вам зачитываются из показаний Павла Дмитриевича Семеновского... Этого вам достаточно для признания своей вины?

– Виновным себя я и сейчас не признаю и впредь ни при каких условиях, сколько бы следствие ни предъявляло мне уличающих фактов моей контрреволюционной деятельности, и даже если будет мне устроена очная ставка, в частности, с Иваном Алексеевичем Остроглазовым и Павлом Дмитриевичем Семеновским, я и в этом случае виновным себя не признаю.

– Возможно, вы в течение суток после ознакомления с выдержками из показаний Остроглазова и Семеновского одумались и признаете свою контрреволюционную деятельность? – начал следователь допрос на следующий день.

– Нет, не признаю.

– У вас при обыске изъяты две серебряные монеты и одна золотая с условными насечками на краях, которые вами хранились отдельно и укрыто. Каково их назначение?

– Значение насечек на монетах мне совершенно неизвестно, а хранились они моими детьми с момента моей второй ссылки как память обо мне. Золотую монету в десять рублей я получил от неизвестного лица, женщины, когда я подходил к своей квартире вечером, это было зимой прошлого года.

– При личном обыске вы порвали письмо, пытаетесь скрыть его содержание. Следствию удалось восстановить содержание письма, которое подписано условной неразборчивой подписью. Кто автор упомянутого письма, и с какой целью вы его уничтожили при личном обыске?

– Данное письмо я получил без конверта через домашний почтовый ящик. Будучи занятым при разборе почты, я это письмо, не читая, положил в свой карман, и оно хранилось у меня около месяца. Уничтожил я его потому, что его содержание, которое я успел прочитать в момент обыска, не относится к следственному делу. Автора данного письма я не знаю.

Некоторые из арестованных были сломлены условиями тюремного заключения, некоторые поддались лживым посулам следователей и согласились стать лжесвидетелями и оговорить себя и других. Подписанные ими показания, «свидетельствующие» об антигосударственной деятельности архиепископа Августина, были ему затем предъявлены. Ознакомив его с этими показаниями, следователь сказал:

– Вы были ознакомлены с показаниями ряда обвиняемых, которые изобличали вас как руководителя контрреволюционной церковно-монархической организации, вам устроены очные ставки, на которых вы разоблачены как организатор и руководитель контрреволюционной церковно-монархической организации, дальнейшее заpiresательство совершенно

бесполезно, следствие предлагает дать правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности.

– Контрреволюционной деятельностью я не занимался и виновным себя не признаю. Если мне будут еще устроены очные ставки, я и на них буду отрицать свою виновность.

– Каким репрессиям вы подвергались после революции и за что? И признавали ли вы себя виновным на следствии?

– После революции за антисоветскую деятельность я привлекался к следствию четыре раза... Во всех случаях я виновным себя никогда и нигде не признавал.

– Назовите автора записки, которую вы пытались уничтожить при личном обыске.

– Автора записки не знаю.

– Откуда у вас золотая десятка, обнаруженная при обыске?

– Я получил ее от неизвестной мне женщины.

– Дайте объяснение следствию о двух гривенниках с условными насечками, которые вы хранили у себя отдельно и которые были изъяты при обыске.

– Два гривенника с насечками, изъятые у меня при личном обыске, никакого значения не имеют.

22 октября сотрудники НКВД провели очную ставку между архиепископом и одним из обвиняемых.

– Что вам лично известно о контрреволюционной деятельности Александра Александровича Беляева? – спросил следователь обвиняемого.

– Александр Александрович Беляев является организатором и руководителем контрреволюционной монархической организации церковников, в состав которой входили я – Афанасий Васильевич Любимов, Иван Алексеевич Остроглазов, Павел Дмитриевич Семеновский, Иван Иванович Сперанский и другие приближенные архиепископа. Члены упомянутой контрреволюционной организации под руководством Александра Александровича Беляева вели активную борьбу с советской властью путем сколачивания в контрреволюционные группы бывших людей и церковников и воспитывали последних в контрреволюционном духе.

– Вы подтверждаете показания обвиняемого Любимова о вашей принадлежности к контрреволюционной монархической организации? – спросил следователь архиепископа.

– Показания обвиняемого Любимова я не подтверждаю.

На следующий день следователи устроили еще одну очную ставку архиепископа с другим обвиняемым.

– Что вам лично известно о контрреволюционной деятельности Александра Александровича Беляева? – спросил следователь.

– Александр Александрович Беляев является организатором и руководителем контрреволюционной церковно-монархической организации церковников. Членами этой организации являлись я – Павел Дмитриевич Семеновский, Иван Алексеевич Остроглазов, Афанасий Васильевич Любимов, Иван Иванович Сперанский, Василий Алексеевич Макаров и многие другие приближенные архиепископа Августина Беляева. Члены упомянутой организации под руководством Беляева вели активную борьбу с советской властью...

– Вы подтверждаете показания Семеновского о вашей принадлежности к контрреволюционной монархической организации? – спросил следователь архиепископа.

– Показания обвиняемого Семеновского я не подтверждаю.

Архиепископ Августин держался мужественно и, несмотря на угрозы следователей и оговоры лжесвидетелей, категорически отвергал все обвинения. Следователи тогда прибегли к допросу одного из заключенных, который находился в одной камере с архиепископом и вызвался свидетельствовать против святителя.

– Вами подано заявление на имя начальника Калужской тюрьмы, что находившийся с вами в одной камере следственный заключенный архиерей Беляев в камере занимается антисоветской деятельностью. Что вы можете конкретно рассказать следствию об антисоветской деятельности Беляева?

– Беляева я раньше не знал... Познакомился во время нахождения с ним в двадцать пятой камере в двадцатых числах сентября 1937 года и до сих пор сижу вместе с ним... Беляев говорил: «Советская власть существовать не может и не будет, и большевики... никогда не построят коммунистического общества, примером этого является "Парижская коммуна", которая пала, коммунизм неосуществим». Когда следственный заключенный, бывший учитель 5-й школы, Другаченок стал говорить колхозникам, что вас священники пичкали всякой белибердой, и после всплыл вопрос о мощах, о нечистоплотности священников, ханжестве, нравственном разложении, использовании темноты масс служителями культа... Беляев после длительных антисоветских разговоров заявил: «Все это поклеп на Церковь, это есть результат нечистоплотности советской власти и вождей ВКП(б)». Беляев клеветал на органы НКВД, заявляя: «Раз при советской власти арестовали, то в органах НКВД все равно себя не реабилитируешь, ничего во внимание не примут, все равно осудят. Следствие все выдуманное и подтасованное. В концлагерях НКВД творятся ужасы, кошмары, издевательства над заключенными, никакого порядка нет, кругом царит несправедливость».

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Августина к расстрелу. 21 ноября дочь архиепископа Нину вызвали в НКВД и стали спрашивать, кто бывал у владыки, и, добиваясь ответов, угрожали арестом. Следователи предполагали страданиями дочери сломить волю архипастыря и заставить его оговорить себя. Допрос длился долго, но ни к чему не привел. Заметив, что Нина увидела стоявший в углу посох владыки, следователь сказал: «Возьмите его, он ему больше не понадобится». Затем подписал пропуск на выход из здания НКВД и сказал, чтобы она принесла отцу чистое белье. На вопрос, что будет с владыкой, следователь ответил: «Подумайте лучше о себе, его вы больше не увидите».

На следующий день Нина принесла владыке в тюрьму чистое белье.

Вместе с архиепископом Августином были арестованы архимандрит Иоанникий (Дмитриев), протоиерей Иоанн Сперанский, псаломщики Алексей Горбачев, Николай Смирнов, Аполлон Бабичев, член церковного совета Михаил Арефьев, а также Феоктиста Ченцова, Анна Остроглазова и Ольга Масленникова.

Преподобномученик Иоанникий (в миру Иван Алексеевич Дмитриев) родился в 1875 году в деревне Редкие Дворы Московской губернии в семье крестьянина; в их семье было пятеро детей. В течение трех лет Иван зимой ходил на дом к учителю и обучался грамоте, а летом пас скотину на пастбище.

В двенадцать лет он пошел вместе с деревенскими портными по деревням в качестве ученика и в течение трех лет обучался портняжному ремеслу. Когда Ивану исполнилось семнадцать лет, он отправился в Москву и устроился в портняжную мастерскую. Проработав три года, он на две недели приехал в родную деревню повидать отца с матерью, а затем вернулся в Москву. Вскоре умерла мать, и он взял к себе на содержание всю семью – отца и братьев с сестрами. Иван рос с детства благочестивым, а в юности почти ежедневно посещал церковь и читал много духовных книг. Два года он жил с мыслью уйти в монастырь и в конце концов остановился в своем выборе на ските Оптиной пустыни.

В 1908 году Иван приехал в Оптину пустынь; две недели он прожил в ней и беседовал с настоятелем, который, увидев высокий духовный настрой благочестивого юноши, принял его в обитель послушником. Здесь он был пострижен в монашество с именем Иоанникий и в 1915 году рукоположен в сан иеродиакона. С 1917 года он был экономом в архиерейском доме у епископа Калужского Феофана (Тулякова). В 1918 году иеродиакон Иоанникий был мобилизован в тыловое ополчение и прослужил здесь два года. В 1921 году епископ Феофан рукоположил его в сан иеромонаха и направил служить в село Сухиничи неподалеку от Калуги. В 1927 году епископ Феофан был переведен на другую кафедру; назначенный вместо него епископ Стефан (Виноградов) возвел в 1928 году иеромонаха Иоанникия в сан игумена и определил его настоятелем Георгиевского монастыря в городе Мещевске.

Направляя отца Иоанникия в монастырь, владыка благословил его помогать всем престарелым монахам и монахиням, жившим тогда при монастыре. В 1929 году монастырь закрыли, а на его месте была организована коммуна «Искра». Отец Иоанникий после закрытия монастыря был назначен настоятелем мещевского собора. Монахи закрытой обители образовали вокруг собора некое подобие монастырской общины, с уставными службами в соборе. Они жили теперь по частным квартирам, но все строго выполняли устав. Отец Иоанникий, исполняя благословение епископа, помогал монашествующей братии, и в особенности тем, кто по старости или болезни не мог себя содержать. Наличие вокруг городского собора некоторого числа монашествующих обратило на себя внимание властей. В это время властями проводилась коллективизация, к которой они сами относились как к мероприятию рискованному, и оттого опасались крестьянских восстаний и сопротивления – или пассивного, когда люди не шли в колхозы, или активного, когда они готовы были идти на физическое сопротивление. Священнослужителей и монахов власти считали первыми своими врагами, а зная, что это наиболее просвещенные люди, почитали их врагами вдвойне.

В октябре 1932 года власти арестовали в городе Мещевске девятнадцать человек, из них одиннадцать – монахов и монахинь. Игумен Иоанникий был арестован 31 октября и заключен в тюрьму города Брянска. 16 ноября он был вызван на допрос и на вопросы следователя ответил: «По существу предъявленного мне обвинения в создании контрреволюционной группировки из монашествующих и бывших торговцев и проведении агитации против мероприятий советской власти виновным себя не признаю. Служба в церкви шла продолжительно, хотя некоторые молитвословия монашеские и были сокращены. Акафисты в начале службы читались, а потом во время самой службы пелись, но это было заведено еще до меня. Службы проходили в церкви

ежедневно. Это я делал из-за заботы об истинной христианской православной вере, как и должен был делать каждый священник. Никакого подпольного монастыря при мещевском соборе у нас не было. Все монашествующие признавали меня за своего духовника, но за старшего не считали».

Следователи, собрав против игумена Иоанникия показания «свидетелей», их ему зачитали. Выслушав, отец Иоанникий ответил: «Указанные мне якобы конкретные случаи моей контрреволюционной деятельности категорически отрицаю и заявляю, что я нигде и никогда не говорил против тех или других мероприятий советской власти. Со стороны арестованных со мною я также ни разу не слышал что-либо против мероприятий советской власти».

15 марта 1933 года Тройка ОГПУ приговорила игумена Иоанникия к ссылке в Северный край на пять лет. По возвращении из ссылки он был возведен в сан архимандрита и направлен служить в Николо-Казинский храм в городе Калуге. Осенью 1937 года власти арестовали архимандрита Иоанникия вместе с архиепископом Августинном и группой духовенства Калуги. 28 октября состоялся допрос священника.

– Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает вам по этому вопросу дать откровенные показания, – потребовал следователь.

– Я среди духовенства и верующих неоднократно высказывал недовольство советской властью, обвиняя ее в том, что в результате ее политики по всему Советскому Союзу по требованию советской общественности закрылись церкви, кроме этого я говорил о том, что советская власть несправедливо проводит репрессии в отношении бывших людей... и духовенства, – высказал отец Иоанникий свое мнение, но отказался признавать себя виновным в контрреволюционной деятельности и оговаривать других.

Священномученик Иоанн родился 1 января 1864 года в селе Желовиж Калужского уезда Калужской губернии в семье священника Иоанна Сперанского. По окончании Калужской Духовной семинарии он был рукоположен в сан священника и служил в храмах Калужской епархии. За безупречное и ревностное служение отец Иоанн был возведен в сан протоиерея и награжден митрой. Был членом Союза Русского Народа. За самоотверженное служение Церкви и отечеству был награжден орденами. Протоиерей Иоанн пользовался огромным авторитетом среди верующих Калуги, и когда к власти пришли безбожники и началась гражданская война, он был тут же арестован и заключен в тюрьму в качестве заложника. Во время изъятия властями церковных ценностей в 1922 году протоиерей Иоанн был вновь арестован и приговорен к одному году заключения. В 1937 году власти снова арестовали священника.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность, которую проводили будучи настоятелем церкви Одигитрии... Дайте следствию показания по этому вопросу, – потребовал следователь.

– Контрреволюционной деятельности и агитации я не проводил.

– В каких взаимоотношениях вы находились с архиепископом Августинном Беляевым?

– К архиепископу Августину я относился как к носителю высшего священного сана.

Следователи стали спрашивать об архиепископе Августине и требовать подтверждения лжесвидетельств против него, но священник категорически отказался. На одном из последних допросов следователь сказал:

– На предыдущих допросах вы уклонились от дачи правдивых показаний. Следствием достоверно установлено, что вы являетесь участником контрреволюционной монархической организации, состоя в которой, вы проводили работу по обработке верующих граждан в антисоветском духе. Признаете вы это?

– Нет, не признаю. В контрреволюционной организации я не состоял и не знаю о ее существовании...

– Вам зачитываются выдержки из показаний обвиняемых, которые признали себя участниками существующей в городе Калуге контрреволюционной монархической организации и показали, что и вы являетесь ее участником; состоя в ней, вы занимались контрреволюционной деятельностью. Теперь вы признаете себя виновным?

– Вновь заявляю, что я в контрреволюционной церковно-монархической организации не состоял и контрреволюционной деятельностью не занимался. Если мне будут устроены очные ставки, я и на них буду отрицать свою виновность.

Мученик Алексей родился 5 февраля 1892 года в деревне Куровской Перемышльского уезда Калужской губернии в семье крестьянина Григория Горбачева. Окончил сельскую школу. С 1911 года Алексей Григорьевич служил в храме села Мурманцево псаломщиком. Осенью 1937 года власти арестовали его. Допрошенный по обвинению в контрреволюционной деятельности, Алексей Григорьевич виновным себя не признал.

Мученик Николай родился 6 мая 1886 года в селе Старая Кашира Коломенского уезда Московской губернии в семье крестьянина Петра Смирнова. Окончил школу, а затем до 1922 года работал сельским учителем. В 1922 году Николай Петрович переехал в Калугу и до своего ареста в 1937 году служил в Георгиевском храме псаломщиком и пел в церковном хоре. На допросе следователь спросил Николая Петровича:

– Вы арестованы за проведение контрреволюционной деятельности, дайте показания следствию по этому вопросу.

– Контрреволюционной деятельностью я не занимался.

– Вы врете, следствию доподлинно известно, что вы, будучи враждебно настроены к существующему советскому строю, занимались антисоветской агитацией, следствие требует от вас правдивых показаний.

– Антисоветской агитацией я не занимался и виновным в предъявленных обвинениях себя не признаю.

– Следствию известно, что вы, как враждебно настроенный к советскому строю, занимались антисоветской агитацией; прекратите запирательство и дайте правдивые показания следствию; учтите, что ваше чистосердечное раскаяние будет учтено советской властью к 20-й годовщине октябрьской революции.

– Виновным в предъявленных обвинениях себя не признаю и к своим показаниям больше добавить ничего не могу.

Подписывая протокол допроса, Николай Петрович в конце листа дописал: «Читал. Виновным себя не, – подчеркнул он, – признаю и считаю себя в соответствии со своими убеждениями не способным к подобным явлениям».

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила псаломщика Николая Смирнова к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, по прибытии в который он вскоре скончался.

Мученик Аполлон (Аполлон Ксенофонтович Бабичев) родился 30 марта 1874 года в городе Калуге. Окончил городское училище и служил в Георгиевском храме псаломщиком. 16 октября 1937 года власти арестовали его. На следствии он сразу занял твердую позицию, настаивал на точной записи ответов и ставил после каждого ответа подпись.

– Вы арестованы и обвиняетесь в контрреволюционной деятельности, дайте правдивые показания по существу, – потребовал следователь.

– Контрреволюционной деятельностью я не занимался.

– Напрасны ваши запирательства, следствие располагает достаточными данными, уличающими вас в контрреволюционной деятельности, которую вы проводили совместно с церковными лицами, предлагаю говорить правду.

– Вновь заявляю, что контрреволюционной деятельностью я не занимался и виновным в этом себя не признаю.

– Следствию известно, что вы, будучи враждебно настроенным к советскому строю и будучи тесно связанным с активным контрреволюционным элементом из церковников, занимались среди граждан антисоветскими разговорами. Следствие требует от вас правдивых показаний.

– Я враждебно настроенным к советской власти себя не считаю, и никакой антисоветской работой я не занимался.

– Назовите лиц, враждебно настроенных к советской власти.

– Таких лиц я не знаю.

– На первом допросе вы дали следствию ложные показания, не признав себя виновным в антисоветской деятельности, которую вы проводили совместно с другими церковниками. Предлагаем говорить правду.

– Антисоветской деятельностью я не занимался и виновным в этом себя не признаю. С церковниками я был связан только по церковной службе.

– Следствию также известно, что вы в числе группы лиц, приближенных к архиепископу Августину, проводили обработку верующих граждан в антисоветском духе, ведя среди них всевозможные антисоветские разговоры. Отбросьте запирательство и дайте следствию правдивые показания.

– Антисоветских разговоров я не вел.

– Назовите лиц, враждебно настроенных к советскому строю.

– Таких лиц я не знаю.

– Еще раз следствие предлагает вам дать правдивые показания о своей контрреволюционной деятельности, которую вы проводили совместно с другими лицами...

– Вновь отвечаю, что виновным себя в проведении контрреволюционной деятельности не признаю.

– Вам зачитываются выдержки из показаний обвиняемых, которые, признав себя участниками контрреволюционной монархическо-церковной организации, показали следствию, что и вы являетесь участником данной организации и вместе с ними проводили контрреволюционную деятельность... Теперь вы себя признаете виновным?

– Нет, не признаю.

Мученик Михаил (Михаил Павлович Арефьев) родился 27 июня 1865 года в городе Калуге. До 1917 года Михаил Павлович был приказчиком и доверенным лицом одного из калужских фабрикантов. Будучи глубоко верующим человеком, он в 1928 году вошел в состав церковного совета Одигитриевской церкви в

Калуге. В октябре 1937 года власти арестовали его. На допросах Михаил Павлович не признал себя виновным в возводимых на него обвинениях.

Мученица Феокиста родилась 21 января 1880 года в городе Калуге в семье калужского купца Семена Ченцова, занимавшегося торговлей скобяным товаром. Феокиста Семеновна окончила городское училище. В сентябре 1937 года власти арестовали ее как активного верующего человека, обвинив в контрреволюционной деятельности. Феокиста Семеновна не признала себя в этом виновной, и на одном из допросов следователь сказал:

– Следствие располагает точными данными, что вы, обставив свою квартиру иконами, устраиваете у себя тайные громкие моления. Признаете себя виновной в этом?

– Действительно, у меня на квартире очень много икон, около двадцати, причем раньше иконы были и в коридоре, но после протеста квартирантов я их перенесла в комнаты, но молений и громких служений у себя в квартире я не устраиваю.

– Следствие располагает точными данными, что вы у себя в квартире устраивали после церковных служб ужины, на которых велись антисоветские разговоры, признаете себя виновной в этом?

– Никаких ужинов я не устраивала и антисоветских разговоров не вела.

– Следствием установлено, что вы являетесь участницей контрреволюционной церковно-монархической организации. Вы это подтверждаете?

– Я категорически это отрицаю.

– Зачитываю вам показания обвиняемого Афанасия Васильевича Любимова: «Участницей контрреволюционной нелегальной церковной организации в городе Калуге является Ченцова Феокиста Семеновна, дочь богатого купца города Калуги, активная церковница», и аналогичные показания обвиняемого Павла Дмитриевича Семеновского, Ивана Алексеевича Остроглазова. Вы это подтверждаете?

– Я этого не подтверждаю.

– Следствием установлено, что вы распространяли контрреволюционную клевету на советскую власть и контрреволюционные суеверные слухи, вы признаете себя в этом виновной?

– Виновной в этом я себя не признаю.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила ее к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Феокиста Семеновна скончалась в одном из Карагандинских лагерей 16 февраля 1942 года и была погребена в неизвестной могиле.

Мученица Анна родилась 19 ноября 1900 года в городе Калуге в семье протоиерея Иоанна Алексеевича Остроглазова. Окончила среднее учебное заведение и поступила в институт народного образования; окончив два курса, она в 1920 году ушла из института. Затем она поступила работать бухгалтером в Калужское педагогическое училище. Здесь Анну Ивановну за ее кроткий нрав полюбили как преподаватели, так и учащиеся, многие из которых приходили к ней поделиться своими горестями и бедами. Анна Ивановна была глубоко верующим, благочестивым и серьезным человеком, и когда Калужскую кафедру возглавил епископ Августин, она стала его ближайшей помощницей. Собирая о ней сведения и готовя постановление об ее аресте, сотрудник НКВД составил о ней такую характеристику: «дочь попа, девица, активная церковница». После ее

ареста 16 октября 1937 года НКВД потребовал от администрации педагогического училища, где она работала, дать характеристику своей сотруднице, арестованной по обвинению в контрреволюционной деятельности. Администрация дала следующую характеристику Анне Ивановне: «Остроглазова работает в училище... около пятнадцати лет, хорошо знает всю обстановку и всех работников училища и учащихся. С текущей работой бухгалтера... справлялась... Остроглазова отличалась крайней молчаливостью, поэтому чрезвычайно трудно было выявить ее лицо: на собраниях и в политкружке она никогда не выступала и в разговорах с преподавателями и администрацией обыкновенно ограничивалась короткими ответами или замечаниями. По имеющимся сведениям, она, будучи дочерью служителя культа и живя вместе с отцом, находилась всегда в тесном окружении церковников, сама часто посещала церковь, усердно молилась, преклонялась перед архиереем, сама обстановка в их доме напоминала церковь... Было также заметно стремление Остроглазовой войти в курс всех вопросов работы училища (хозяйственных, учебно-воспитательных и прочих).

Анна Ивановна Остроглазова

Иногда заявления учащихся по делам даже не финансового характера подавались ей прежде, чем попадали к администрации... Известен случай, когда Остроглазова убеждала уборщицу при проведении всесоюзной переписи записаться верующей».

На допросах мужественная и благочестивая христианка держалась с достоинством и спокойствием, как достойная дочь своего духовного отца – архиепископа Августина.

– Вы арестованы за антисоветскую деятельность, следствие требует от вас дачи откровенных показаний по данному вопросу, – заявил следователь.

– Антисоветской деятельностью я не занималась и виновной себя не признаю.

– Вы дали ложные показания, следствие располагает точными данными, что вы, будучи враждебно настроены против существующего строя, занимались антисоветской агитацией. Следствие требует прекратить заперительство и дать правдивые показания по этому вопросу.

– Виновной себя не признаю и к предыдущему ответу ничего добавить не могу.

– Следствием установлено, что вы являетесь участницей контрреволюционной монархической организации. Вы это подтверждаете?

– Я этого не подтверждаю.

– Вам зачитываются показания обвиняемого Афанасия Васильевича Любимова: «Членом нашей контрреволюционной церковно-монархической организации является Анна Ивановна Остроглазова... доверенное лицо Августина... Она вела большую антисоветскую деятельность, воспитывая в контрреволюционном религиозном духе интеллигенцию, главным образом детей бывших людей и служителей культа... Вы это подтверждаете?

– Этого я не подтверждаю и виновной себя не признаю.

– Следствием установлено, что вы, работая бухгалтером педагогического училища, занимались вредительством, чем искусственно создавали недовольство педагогов на мероприятия партии и советского правительства. Вы признаете себя виновной в этом?

– Вредительством я не занималась и виновной в этом себя не признаю.

– Следствием установлено, что вы занимались антисоветской клеветой, распространяя контрреволюционные суеверные слухи. Вы признаете себя виновной в этом?

– Виновной в этом я тоже себя не признаю.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила Анну Ивановну к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, где она приняла мученическую кончину от голода.

Мученица Ольга (Ольга Александровна Масленникова) родилась 10 июля 1874 года в городе Калуге. Окончила церковноприходскую школу. Была прихожанкой храма великомученика и Победоносца Георгия, в котором служил владыка Августин, помогала в работах по храму. 29 октября 1937 года власти арестовали ее. Вызванная на допрос, Ольга Александровна не признала себя виновной в возводимых на нее обвинениях и никого не оговорила. 19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила ее к восьми годам заключения. Ольга Александровна скончалась в концлагере в 1941 году.

19 ноября 1937 года Тройка НКВД приговорила архиепископа Августина (Беляева), архимандрита Иоанникия (Дмитриева), протоиерея Иоанна Сперанского, псаломщиков Алексея Горбачева, Аполлона Бабичева и члена церковного совета Михаила Арефьева к расстрелу.

Архиепископ Августин, архимандрит Иоанникий, протоиерей Иоанн, псаломщики Алексей Горбачев, Аполлон Бабичев и член церковного совета

Михаил Арефьев были расстреляны 23 ноября 1937 года и погребены в общей неизвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5»
Тверь. 2001. С. 365-414

Библиография

Боровкова (Беляева) Нина Александровна. Воспоминания. Рукопись.

Кириченко (Медем) Александра Александровна. Воспоминания. Рукопись.

Монахиня Анна (Анна Семеновна Теплякова).

Московский журнал. 1993. № 4. С. 49- 54.

РГИА. Ф. 831, оп. 1, ед. хр. 218, л. 106; Ед. хр. 197, л. 154-156.

Архив УФСБ РФ по Ивановской обл. Арх. № 4662-П.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-3477. Л. 8-10, 13.

Архив УФСБ РФ по Самарской обл. Арх. № П-14633. Т. 1, л. 37-38, 58, 62, 136-137, 292, 312, 424-425, 431-432, 340-341; Т. 2, л. 25, 260.

Архив УФСБ РФ по Калужской обл. Арх. № П-13244, Т. 1, 2; Арх. № П-14013. Т. 1, л. 266-267; Т. 2, л. 3-6, 64, 67, 84, 91-93, 170-171, 177-178, 270, 273, 280-281.